

О

подвиге Ивана Флёрова стали вспоминать лишь после окончания Великой Отечественной войны. Нет, о нем не забыли. Но и не вспоминали особо — мало ли было героев на войне. Поэтому высокого звания Героя Советского Союза Иван Андреевич так и не был удостоен. И лишь в 90-е годы подвиг комбата, наконец-то, был оценен по достоинству. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне указом Президента Российской Федерации от 21 июня 1995 года капитану Ивану Андреевичу Флёрову было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Родился Иван Андреевич Флёров 24 апреля 1905 года в селе Двуречки ныне Грязинского района Липецкой области. Его дед Кодрат и прадед Семен Иванович служили в сельской Никольской церкви пономарями и дьячками. Отец работал счетоводом на Боринском сахарном заводе, мать была домохозяйкой. Кроме Ивана, в семье было еще пятеро детей: три сына и две дочери.

Окончив земскую школу с похвальным листом, показав особые успехи по арифметике, Иван работал сначала секретарем совета в родном селе, затем учеником слесаря на Боринском сахарном заводе. В 1926 году он окончил школу фабрично-заводского ученичества при чугунолитейном заводе в городе Липецке.

Со своей женой, Валентиной Трофимовной, Иван Андреевич познакомился у себя дома. Она, молоденькая учительница, была направлена в село на борьбу с безграмотностью и сняла комнатку именно в доме Флёровых. Так и пришла любовь. Своего сына они назвали Юрием.

В 1927–1928 годах Иван Флёров проходил срочную службу в Красной Армии, окончил курсы командиров-одногодичников при 9-м корпусном артиллерийском полку. После увольнения в запас работал мастером производственного обучения в ФЗУ города Липецка.

В 1933 году Флёров был призван на полуторамесячные сборы офицеров запаса и остался служить в Красной Армии командиром взвода 3-го дивизиона 19-го артиллерийского полка. Затем был назначен начальником разведки дивизиона, помощником командира батареи. С 1936 года — помощник начальника штаба артполка Мурманской стрелковой дивизии. Грамотного и умного офицера заметили, и в 1939 году Иван Флёров был зачислен слушателем Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского.

«Лодырем я никогда не был и не буду, пока есть силы, несмотря ни на какие обстоятельства, буду отдавать их избранному делу», — писал он тогда своему брату. Жизнь давала немало случаев подтвердить эти слова делом.

В 1939 году началась так называемая «зимняя война» с Финляндией, и старшего лейтенанта Ивана Флёрова отправляют на фронт командиром батареи 94-го гаубичного артиллерийского полка — набираться боевого опыта. Он отличился в боях на Карельском перешейке и под Выборгом, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Финны оказались хорошими воинами. Однажды батарея старшего лейтенанта Флёрова оказалась в окружении. Опасаясь худшего, Иван Андреевич написал записку жене и спрятал ее в гильзу патрона. Обошлось — наши лыжники прорвали вражеское кольцо, спасли попавших в беду артиллеристов. И Флёров забыл о записке. Но ее нашла жена Валентина Трофимовна, когда стирала гимнастерку мужа. В записке говорилось: «Валя, может быть, мы больше не увидимся. Последняя просьба к тебе: воспитай сына честным, правдивым и преданным Родине человеком...»

После окончания боевых действий Иван Андреевич вернулся к учебе в академии. Флёров был одним из лучших слушателей, являлся парторгом курса.

Поселился тогда Иван Андреевич с семьей в Балашихе в доме № 6/4 на улице Кооперативной. Приехали Флёровы в этот город не случайно: к тому времени здесь осели родные жены — на заводе № 120 работала сестра Валентины Трофимовны — Клавдия. Ее муж, Виталий Павлович Шевелкин, трудился на том же предприятии. Жизнь, казалось, налаживалась. Но опять — война!

Жена Флёрова, Валентина Трофимовна, вспоминала, что в то летнее утро 22 июня 1941 года они с мужем завтракали дома, когда по радио объявили о вероломном нападении врага на советскую Родину. Иван Андреевич бросился собирать вещи, жена попыталась было его остановить. Но он попрощался с сыном, поцеловал любимую и ушел. Навсегда...

Решение о формировании первой экспериментальной батареи реактивной артиллерии было принято 28 июня 1941 года. По предложению начальника Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского генерал-майора Л.А. Говорова (будущего маршала, героя обороны Ленинграда), командиром был назначен один из лучших — капитан Флёров.

Работы над созданием многозарядной реактивной установки на базе грузовой машины начались в 1938 году. В апреле 1939 была создана модель МУ-2 (механизированная установка, 2-й образец), заряжавшаяся 132-мм реактивными осколочно-фугасными снарядами.

Опытная боевая машина с реактивными снарядами была представлена на смотре новых образцов вооружения Красной Армии, который проходил 15–17 июня 1941 года

Иван Флёров с семьей

на полигоне в подмосковном Софрино. За стрельбами наблюдали нарком обороны маршал Семен Тимошенко, начальник Генштаба генерал армии Георгий Жуков, начальник Главного артиллерийского управления маршал Григорий Кулик и его заместитель генерал Николай Воронов, а также нарком вооружений Дмитрий Устинов. Демонстрация нового оружия произвела на присутствующих сильнейшее впечатление.

Окончательное решение о начале серийного производства БМ-13 было утверждено И.В. Сталиным за день до начала Великой Отечественной войны, 21 июня 1941 года. Первые серийные БМ-13, созданные на базе автомобиля ЗИС-6, 26 июня сошли с конвейера завода № 723 Наркомата минометного вооружения в Воронеже.

Как рассказывал впоследствии своим боевым товарищам Иван Андреевич Флёров, беседа с одним из руководителей Главного артиллерийского управления Красной Армии В.В. Аборенковым сводилась примерно к следующему: «Мы вас знаем, капитан, как опытного офицера, получившего серьезную боевую практику и фронтовую закалку в советско-финской войне. Вот почему на вас пал выбор, когда мы решали, кому доверить командование новым секретнейшим оружием, боевые свойства которого являются невиданными в истории войн».

Далее, как пишет в своих воспоминаниях доктор военных наук, генерал-лейтенант в отставке М.И. Науменко, Флёрову кратко обрисовали это оружие, а затем поставили задачу: беречь батарею на фронте как зеницу ока, не подвергая ее ни малейшей опасности. Главное, что ждет от батареи руководство страны и армии — это тщательная и всесторонняя проверка эффективности нового оружия в реальной боевой обстановке.

Командный состав батареи был укомплектован в основном слушателями Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского, только что окончившими первый курс командного факультета.

— Все мы, молодые лейтенанты, составившие костяк командного состава батареи, были людьми необстрелянными, без какого-либо боевого опыта, — рассказывает М.И. Науменко. — Никакой специальной подготовки по реактивной артиллерии ни офицеры, ни номера боевых расчетов батареи не имели. Я подозреваю, что большинство из нас вообще не имело представления о природе реактивного движения. Что касается нашего командира, то это был артиллерист-фронтовик, обладавший солид-

ной боевой практикой и большими профессиональными знаниями. Еще учась в академии, мы с огромным вниманием слушали его рассказы о фронтовых делах, о победах и поражениях нашего оружия.

Иван Андреевич Флёров был из тех офицеров-строевиков, о которых говорят, что он родился в гимнастерке.

— Ходил он всегда в военной форме, перетянутой широким командирским ремнем, через правое плечо португеза, до блеска начищенные сапоги, — вспоминал о своем командире М.И. Науменко. — Обмундирование на нем, даже хлопчатобумажное, сидело как влитое. Ходил он прямо, высоко поднимая голову, даже как-то горделиво. Голос спокойный, уверенный. Светло-серые глаза всегда смотрели на собеседника доброжелательно, располагая к откровенному разговору. Лишь в минуты опасности или гнева цвет глаз капитана неумовимо менялся, становился темно-серым, даже стальным. Нет, он не был ангелом во плоти. Бывал крутым, порой беспощадным...

Изначально задача у Флёрова была непростой — за четверо-пятьеро суток сформировать батарею, обучить личный состав первичным навыкам обращения с материальной частью и в первых числах июля отбыть в действующую армию. Ивану Андреевичу удалось провести лишь три занятия, главным образом по устройству материальной части и боеприпасов и общим приемам обращения с ними. Занятиями руководили разработчики ракетного оружия инженер-конструктор А.С. Попов и военный инженер 2 ранга Д.А. Шитов. Как вспоминает М.И. Науменко, в ходе занятий никаких письменных инструкций и наставлений выдано не было. Запрещалось делать даже какие-либо записи.

Менее чем через две недели после начала войны, в ночь на 2 июля 1941 года, из Москвы по Можайскому шоссе батарея капитана И.А. Флёрова, вооруженная семью опытными боевыми установками БМ-13 на базе ЗИС-6, выехала на фронт по маршруту: Москва—Ярцево—Смоленск—Орша. Батарея состояла из взвода управления, артиллерийского взвода, трех огневых взводов, взвода боевого питания, хозяйственного отделения, отделения горюче-смазочных материалов, санитарной части. В составе батареи были одна легковая машина и 44 грузовые машины (для перевозки 768 реактивных снарядов М-13, 100 снарядов для гаубицы, шанцевого инструмента, трех заправок ГСМ, семи суточных норм продовольствия и другого имущества).

Перед выездом на фронт инженер-конструктор А.С. Попов указал на большой деревянный ящик, укрепленный на подножке боевой машины. «Вы, вероятно, думаете, — сказал он, — что этот ящик предназначен для инструмента водителя или для каких-либо аналогичных целей. Ничего подобного. При отправке вас на фронт мы набьем этот ящик толковыми шашками и поставим пиропатрон, чтобы при малейшей угрозе захвата реактивного оружия врагом можно было подорвать и установку, и снаряды, не дать ему возможности воспользоваться ценнейшим творением ума и рук советских людей».

Уже 6 июля батарея прибыла на место и вошла в состав 20-й армии Западного фронта. До 12 июля она находилась на позиции в районе Борисова и только чудом сумела отойти до подрыва мостов.

Наступил исторический день боевого крещения — 14 июля 1941 года. В 15 часов капитан Флёров дал команду открыть огонь по врагу. Семь пусковых установок БМ-13 нанесли удар по скоплению живой силы и танков фашистов в районе белорусского города Орша. За семь-восемь секунд батарея выпустила 96 реактивных снарядов. В 16 часов 45 минут был произведен второй залп — по переправе через реку Оршицу.

— С наблюдательного пункта я хорошо видел результаты нашей стрельбы, — вспоминал М.И. Науменко. — Особенно мне запомнился удар по переправе через реку Оршица. Он пришелся по самому центру гигантского треугольника, образованного автоколоннами и конными повозками, пехотными подразделениями и группами танков и бронетранспортеров противника, стянувшимися к единственному мосту. Вра-

жеских потерь мы, естественно, подсчитать не могли. Но отчетливо видели, какой дикой — более точного слова, пожалуй, не подобрать — паникой были охвачены все, кому удалось уцелеть и вырваться из-под огня.

Действительно, результаты стрельбы были отличными — сплошное море огня. Враг понес огромные потери в живой силе и боевой технике. Более того, все гитлеровцы, уцелевшие на восточном берегу, были взяты нашими подразделениями в плен. А переправа в течение нескольких часов бездействовала и в дальнейшем уже больше не использовалась врагом с прежней интенсивностью. Этот первый удар был настолько эффективным и сокрушительным, что гитлеровцы целый день вывозили раненых и убитых, остановив наступление на сутки.

А вот что сообщали об этом немецкие газеты: «Русские применили батарею с небывалым числом орудий, снаряды фугасно-зажигательные, но необычного действия... Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налет был подобен урагану».

19 июля батарея Флёрова произвела три залпа по городу Рудне, когда батальон немецкой 5-й пехотной дивизии сменял 12-ю танковую дивизию. И снова поразительный эффект!

Об успехе первых залпов реактивной артиллерии было доложено в Москву. Причем, в сообщении подчеркивалось, что при наступлении на участках, где применялась батарея, наши части обычно не встречают сопротивления. Так, в районе города Ярцево, на одном из участков советская пехота дважды атаковала вражеские части, занимавшие деревню Шуклино, но успеха не имела. Но после того как по расположению противника был дан залп батарее реактивных установок, советские войска не встретили сопротивления и заняли деревню.

— На ярцевском направлении на немцев был наведен буквально ужас, — докладывал И.В. Сталину о боевом применении батареи Флёрова член Военного совета Западного фронта Н.А. Булганин. — Батареей был обстрелян находившийся в ложбине батальон немцев, обратившийся в паническое бегство, большая часть противника была уничтожена на месте.

Это способствовало принятию решения об ускоренном развертывании серийного производства реактивных пусковых установок и снарядов к ним и формировании подразделений, а затем и частей реактивной артиллерии. К началу августа на Западном фронте действовало уже несколько батарей реактивной артиллерии. Примерно в то же время реактивную технику стали называть в народе ласковым именем «Катюша».

До сих пор идут споры, по какой причине БМ-13 получила в армии наименование «Катюша». Одни связывают это с индексом «К» на корпусе миномета — установки выпускались воронежским заводом имени Коминтерна, другие говорят о том, что звук, издаваемый снарядами, был похож на протяжное звучание песни. А вот немецкие солдаты называли БМ-13 не «катюшей», а «органом Сталина» из-за звука, издаваемого оперением ракет, похожего на звучание популярного в Германии клавишного духового музыкального инструмента.

После залпов в районе Орши последовали удары по захватчикам под Ельней, Рославлем, Спас-Деменском. За три месяца боевых действий батарея Флёрова нанесла огромный урон немцам.

За новым оружием противник устроил настоящую охоту. В августе-сентябре 1941 года немецкий Генштаб послал в войска следующую телеграмму: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку. Выстрел производится электричеством. Во время выстрела образуется дым. При захвате таких пушек немедленно докладывать».

Поэтому, как только немцам удавалось засечь местонахождение батареи Флёрова, они сразу же посылали туда танки и авиацию. Но Иван Андреевич прекрасно знал об этом, и сразу после нанесения удара по позициям немцев менял место расположения. Так выработывалась тактика применения реактивных минометов.

Батарея была экспериментальной — за ней тщательно наблюдали не только немцы, но и советские разработчики ракетного оружия: для того чтобы выявить недостатки и быстро устранить их при производстве следующих боевых машин. После боев под Ельней капитан Флёров совместно с офицерами батареи тщательно обобщил весь накопленный батареей опыт боевых действий и подготовил подробную докладную записку о положительных свойствах ракетной артиллерии и ее недостатках. Все эти проблемы были учтены уже при производстве «катюш» следующей серии.

— Конструктивным недостатком пусковых установок или, как скоро стали их называть, боевых машин, являлось, прежде всего, отсутствие бронезащиты двигателя, топливного бака и кабины водителя, — вспоминает М.И. Науменко. — Вследствие этого боевая машина была весьма уязвимой на поле боя. В процессе боевого применения было обнаружено несовершенство подъемного и поворотного механизмов. Случались частые неполадки в работе электрооборудования, особенно прибора управления огнем. Выявилась и ограниченная проходимость автомобиля ЗИС-6, на шасси которого были смонтированы боевые машины.

Бои продолжались. Обстановка на фронте была тревожной. Наши войска отступали.

— Следуя за командованием 586-го стрелкового полка, капитан Флёров выбрал место для батарейного НП на одной из возвышенностей на северо-западной окраине деревни Волосково, — писал М.И. Науменко. — К вечеру фашисты обнаглели. Видимо, почувствовав, что боеприпасы у нас на исходе, они вплотную придвинулись к высоте, обстреливая наше расположение из автоматов. В этот момент Флёров принял смелое и, пожалуй, единственно правильное решение — вызвать огонь батареи на себя. Выждав, когда гитлеровцы почти уже добрались до НП, Флёров подал команду на залп. Жалкие остатки гитлеровцев бежали. Большая часть из них осталась лежать на высоте. Вокруг все было изрыто воронками. Тяжелый горький дым навис над нами...

В начале октября батарея Флёрова вместе с другими частями оказалась в окружении в Спас-Деменском котле. Мощным ударом танковых и механизированных дивизий со стороны Рославля и Духовщины немцы прорвали нашу оборону, заняли Спас-Деменск, Юхнов и 6 октября соединились в Вязьме. Таким образом, советские войска в районе Смоленска и Ельни оказались в окружении.

Бойцы капитана Флёрова прошли по вражеским тылам более 150 километров. Уже

В музее имени Флёрова в Балашихе

не ведя огня, они двигались по проселочным дорогам по направлению к Вязьме. Отступая вместе с нашими передовыми частями, батарея израсходовала практически весь боезапас. Вскоре она оказалась одна в тылу врага. Когда подошло к концу горючее, капитан Флёров приказал зарядить установки, а оставшиеся ракеты и большинство транспортных машин взорвать.

Последний бой батарея приняла в районе деревни Богатырь против мотоциклетного батальона 2-й танковой дивизии. В ночь на 7 октября колонна машин батареи попала в засаду недалеко от деревни Богатырь.

— Капитан Флёров вручил мне пакет с донесением и устно поставил задачу: двигаться впереди батареи в направлении на Вязьму и попытаться найти штаб нашего дивизиона; при встрече доложить командиру дивизиона об обстановке и дальше действовать по его распоряжению, — вспоминал М.И. Наumenko. — Оказалось, что через несколько часов после моего отъезда батарея попала в немецкую засаду. Видимо, немцы все время тщательно следили за нами, причем как с земли, так и с воздуха. Недаром «рама» постоянно контролировала маршрут нашего движения.

Оказавшись в безвыходном положении, личный состав батареи принял бой. Враг атаковал батарею внезапно, на марше, с разных сторон, обстреливая огнем из танков, орудий и пулеметов.

«7 октября 1941 год. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь — 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте, товарищи», — гласит последняя запись Флёрова.

Будучи тяжело раненым, Иван Андреевич взорвал пусковые установки.

— Руководитель боевых действиями батареи, он героически погиб в бою, — писал М.И. Наumenko. — Многие мои боевые товарищи остались лежать вместе с командиром на поле боя. Но части батарейцев удалось после подрыва материальной части оторваться от противника. Немало трудностей пришлось преодолеть им на пути к своим. Но флоровцы с честью выдержали суровые испытания.

Позже военный инженер Дмитрий Александрович Шитов говорил, что все они безмерно уважали командира. Иван Андреевич своих солдат и офицеров — а это более ста семидесяти человек — знал по имени-отчеству и только так к ним обращался даже в самых критических ситуациях и никогда ни на кого не повышал голос. Флёров был настоящим командиром, его любили.

Только 46 воинам батареи из 170 удалось выйти из окружения. «Мне довелось заново создавать флоровскую батарею, костяком которой были мои боевые товарищи, и командовать ею в течение нескольких месяцев», — пишет М.И. Наumenko.

К концу Великой Отечественной войны гвардейские минометные части и соединения Красной Армии стали грозной ударной силой, оказавшей существенное влияние на ход боевых действий. В общей сложности к маю 1945 года советская реактивная артиллерия насчитывала 40 отдельных дивизионов, 115 полков, 40 отдельных бригад и семь дивизий — всего 519 дивизионов.

А вот капитан Флёров и оставшиеся на месте боя бойцы долгое время считались пропавшими без вести. О судьбе командира первой батареи «Катюш» ничего не было известно. И только тогда, когда удалось обнаружить документы одного из армейских штабов вермахта, где с немецкой скрупулезностью сообщалось о том, что же произошло на самом деле в ночь с 6 на 7 октября 1941 года у смоленской деревушки Богатырь, сомнения развеялись, и капитан Флёров был исключен из списков пропавших без вести.

В 1960 году Иван Андреевич был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза (посмертно), но в итоге был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. И только спустя еще тридцать пять лет подвиг комбата, наконец-то, был оценен по достоинству. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне указом Президента Рос-

сийской Федерации от 21 июня 1995 года капитану Ивану Андреевичу Флёрову было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Капитан Флёров и его погибшие бойцы были похоронены на месте боя местными жителями еще в 1941 году. До середины 1980-х годов за могилой ухаживали. Но со временем место захоронения было забыто. Осенью 1995 года группа вяземских поисковиков обнаружила западнее деревни Богатырь останки семерых погибших артиллеристов вместе с обломками взорванных «Катюш». Среди них были опознаны останки капитана Флёрова. Советские воины были торжественно перезахоронены 6 октября 1995 года рядом с обелиском в деревне Богатырь Смоленской области у большого Вязьма–Юхнов. На гранитном обелиске золотыми буквами высечено: «Доблестным воинам первой в Советской Армии батареи реактивной артиллерии и ее командиру капитану Флёрову Ивану Андреевичу, героически погибшим в боях за Родину в 1941 году».

В 1964 году, в преддверии двадцатилетнего юбилея Победы, Балашихинский горком комсомола передал семиклассникам местной школы № 3 портрет офицера Красной Армии И.А. Флёрова. С тех пор история школы была неразрывно связана с этим именем. Оказалось, что в школе № 3 учится племянник Ивана Андреевича — Сергей Шевелкин, а жена И.А. Флёрова, Валентина Трофимовна, его сын Юрий, внучка Марина жили почти рядом со школой — на улице Коммунальной.

В средней школе №3 также обучалась и внучка Ивана Андреевича — Марина Юрьевна Смирнова. У Ивана Андреевича есть правнучка, которую очень символично называли Катюшей.

Позднее по ходатайству пионерской дружины школы № 3 улица Коммунальная была переименована в улицу Флёрова, а на доме, где жила семья Героя, была открыта мемориальная доска, которую обновили в 2002 году.

На базе школы с 1966 года действует музей, посвященный Ивану Флёрову. В нем находятся вещи, принадлежавшие Ивану Андреевичу. Среди них есть экспонаты, которые подарила внучка Героя — Марина Юрьевна, в том числе и гитара Флёрова — чтобы люди знали: Иван Андреевич был не только героическим воином, любителем математики, но и тонкой души человеком...

— Мы бесконечно благодарны людям, изменившим сухую строку: «Без вести пропавший», — рассказала внучка Флёрова Марина Юрьевна. — У деда выбора не было, вернее, конечно, был. Но верность долгу и Родине оказалась непоколебимой.

А в 2001 году балашихинской средней школе №3 было присвоено имя И.А. Флёрова. Одним из выдающихся учеников школы №3 имени Флёрова является олимпийский чемпион, хоккеист Юрий Евгеньевич Ляпкин, чье имя носит Ледовый дворец в Балашихе. Также здесь учились его дети. Среди учеников школы имени Флёрова — певица Варвара и знаменитый певец Николай Басков, генеральный директор АК «Рубин» Б.С. Окулов и поэтесса Р.Ф. Здитовецкая.

Появилась в этом учебном заведении и еще одна добрая традиция: 7 октября, в день гибели Флёрова, проводить торжественный митинг у памятника «Катюше», установленного рядом со школой. «Катюшу» после реставрации привезли в Балашиху из далекого Новосибирска.

Приказом министра обороны Российской Федерации № 111 от 5 марта 1998 года Герой Российской Федерации капитан Иван Андреевич Флёров навечно зачислен в списки командного факультета Военной академии Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) им. Петра Великого, которая теперь находится в Балашихе.

В честь подвига батареи сооружены памятники в Орше и обелиск в городе Рудня. Имя Флёрова носят улицы в Липецке, Грязях, Орше и центральная площадь села Двуречки, где родился и вырос Герой. 9 мая 1975 года здесь был открыт мемориальный музей И.А. Флёрова.

Героя помнят и чтут.